

Григорий Померанц

Религиозная немзыкальность и постсекуляризм

Юрген Хабермас в речи на франкфуртской книжной ярмарке 14 октября 2001 г. произнес слова, разбежавшиеся на десятки откликов: «сотворенность образа Божия в человеке будит интуицию, которая... нечто говорит и религиозно немзыкальному человеку». Сказано было в контексте спора о допустимости клонирования, но до меня эти слова дошли в одной из оценок событий 11-го сентября: «я сам человек религиозно немзыкальный, но думаю, что наступил конец эпохи секуляризма» (из письма моего корреспондента Пьера Шперри, выбравшего типичный отклик, не назвав фамилию автора). Слово «немзыкальность» было подчеркнуто и в краткой журнальной информации о речи Хабермаса (мне прислали два таких текста). Видимо, оно выразило что-то, носившееся в воздухе постхристианской и постсекулярной культуры.

Современный Запад религиозно немзыкален. Это очень точная самохарактеристика. О ней можно сказать, как Бродский о бабочке: «Ты больше, чем ничто». Сознание своей немзыкальности по-своему, негативно, отсылает к музыке и даже позволяет кое-что сказать о музыке. Сознание своей ограниченности плодотворно. Хабермаса оно вдохновило перевести религиозный аргумент против клонирования, начисто отвергаемый сциентизмом, на язык этики: человек не вправе определять судьбу сознательного существа, не спрашивая его согласия.

Религиозно немзыкальным человеком был, по-моему, Макс Вебер, но он блестяще разработал некоторые проблемы религии: расколдовывание мира монотеизмом, роль пророческих движений, роль протестантской этики в генезисе капитализма. Когда сознаешь свою глухоту, можно ее компенсировать – зная границу, где компенсации недостаточно, зная свою запретную область. Вебер сознавал, что «религиозных виртуозов» он не понимает. Только название того, что он не понимает, выбрано неудачно. Виртуозность – совершенство формы, а религиозная одаренность часто беспомощна по форме (например, у Сони Мармеладовой, у Хромоножки, вообще у юродивых). Тут важно совершенство слуха, и термин, предложенный Хабермасом, несравненно лучше. Героиня романа

«Красное и черное», мадам де Реналь, – никакой не виртуоз, просто религиозно музыкальная женщина. Стендаль религиозно немусыкален, но интуицией художника он угадывает переживания созданного им и полюбившегося ему персонажа. Так Чехов угадывал своего Архиеерея, своего Студента. Любя, мы угадываем Другого, входим в его душу. Так неверующий может любить Христа. Но центральное событие религии, мистический опыт «встречи» надо пережить непосредственно, лично, своим собственным сердцем; или в собственном сердце найти что-то родственное встрече: «это как чувствовать маму с закрытыми глазами», – сказала шестилетняя девочка.

Первый шаг к пониманию музыки, которую не понимаешь, – сознание, что людям она дает великую радость, и открытость души к неведомому опыту. Я читал, как Стендаль упивался Гайдном, я читал о капельмейстере Крайслере, в доме которого жил кот-писатель Мурр, и мне хотелось испытать нечто подобное. Но начиная слушать симфоническую музыку, я через две минуты терял ее нить. Пришлось выбрать окольный путь, ходить в оперу, слушать вокалистов, и только в лагере, окунувшись в белые ночи, я научился понимать беспредметное искусство, искусство ритмических переливов неведомой силы, и уже от переливов света перешел к звуку, к симфониям, которые передавались по радио темными зимними ночами. Меня подталкивала тоска, подобная тоске богооставленности, – по свету, по культуре, по Москве, откуда передавали Чайковского. Я и еще один заключенный выхаживали симфонии с начала до конца при тридцатипятиградусном морозе. Остальные сидели в теплых бараках.

Так же долго – от скачка к скачку – преодолевалась моя религиозная немусыкальность. Только сорока лет от роду я, неожиданно для самого себя, в порыве любви, не имевшей ничего общего с церковностью, стал молиться о провале, вместе друг с другом, в вечность – и почувствовал, что целостность и вечность не менее реальны, чем пространство и время; просто почувствовал, как свет в груди, погасивший слабый внешний свет. Дальше пришло (очень не сразу) понимание, что вспышка экстаза – только предвестие ровного внутреннего света, как бы горящего в очаге, согревая твой дом, а не зажигающего стены, оставляя после красивого пожара

пепел. Это уже особая тема – тема соблазнов на пути в глубину (безумие, вырождение любви в ненависть и т.п.). Скажу только, что так называемое «трезвение» подвижников – это равновесие вспышек внутреннего огня и смиренного разума, дающего ровное пламя, навсегда изгоняющее холод скуки.

Великих созерцателей, способных научить музыке созерцания, немного (я писал об Антонии Сурожском, Мартине Бубере и Томасе Мертоне. См. «Звезда», 2002, N 1), но скромная религиозная музыкальность – дело обычное и доступное каждому. Ее так же можно развить, как «понимание» музыки Баха (понимание в этом контексте значит примерно то же, что у Китти и Левина, когда они объяснились без слов). К сожалению, перегрузка интеллекта разрушает природную музыкальность ребенка. Так называемые дикари часто музыкальнее нас, слышат то, что мы не слышим и передают то, что расслышали, в своих мифах. Но упадок духовной простоты и цельности не неизбежен и при некоторой одаренности, воле и настойчивости может быть преодолен лично, не дожидаясь исправления общества. Глубинная интуиция – личный дар. Мышкин не может объяснить, почему и как в каждом дереве он чувствует присутствие Бога, заглушенного в человеке, и созерцая дерево, причащается Богу. И никто вокруг не понимает его слова: «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?»

Эти заметки сложились у меня на полях книги А.П.Назаретяна «Цивилизационные кризисы»¹. Несмотря на резкое несогласие с его неосторожными заходами в область, где разум века сего (говоря словами ап. Павла) становится безумием, я читал эту книгу с большим интересом. Захватывает блестящая эрудиция, целая энциклопедия научной информации, которую надо держать в голове, думая о XXI веке и многих последующих веках – иногда на миллионы и миллиарды лет вперед. Какая-то лебединая песнь сциентизма. Автор понимает, что научно-технический прогресс, если не остановить его, непременно разрушит биосферу со всеми нами вместе, но готов принести в жертву жалких потомков кроманьонцев и создать новых носителей разума на основе соединений кремнезема – или других гомункулов. Зачем? Чтобы разум стал повелителем

---

¹ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы. - М., 2001.

вселенной. Допустим (хотя в последней главе оказывается, что господство разума завершается невыносимой космической скукой). Откуда берется уверенность, что прогресс науки и техники – высшая ценность? Наука не может этого доказать. Истинность системы, как известно, не может быть доказана в рамках системы, она постулируется извне, и только в странах Запада сциентизм захватил миллионы людей. В великих субглобальных цивилизациях Востока господствуют другие идеи. А потому сценарии, основанные на безусловном господстве сциентизма, построены на песке.

Я полистал огромный список литературы, около 400 названий, и нашел там имена классиков культурологии, но в тексте они не чувствуются. Сциентизм отторгает интуицию Шпенглера и Тойнби вместе со всеми последующими разработками. А между тем, остановить разрушение биосферы трудная задача, но не более трудная, чем заменить людей роботами. И культурология здесь кое-что дает.

Глобальная культурология рисует нам конкурс четырёх субглобальных цивилизаций, оказавшихся в одном пространстве электронной информации. На уровне книги их все-таки четыре, и эту многовековую традицию невозможно стереть. Центром каждой субглобальной цивилизации остается Святая книга со своим языком и шрифтом как зримой оболочкой ее духа (пространство латиницы, арабской вязи, шрифта деванагари, иероглифов Дальнего Востока). Своеобразное единство пронизывает все субглобальные культуры – проекты* глобальной культуры – и окрашивает решение основных проблем жизни. То, что немислимо в Америке, вполне мыслимо в Китае. И если Запад не найдет пути к самоограничению, к паузе созерцания и, в конечном счете, – к цивилизации, живущей в гармонии с природой, то роль гегемона может перейти к другой субглобальной культуре или к блоку незападных культур, достаточно сильному, чтобы удержать мир от губительной расточительности.

Не знаю, удастся ли сойти с пути неудержимого развития техники до катастрофы или целого ряда катастроф. Но может быть сами катастрофы нас научат и помогут сотрудничеству всех духовных сил, в том числе мировых религий, на мой взгляд, далеко не исчерпавших своих возможностей обновления, «аджорнаменто». Начиная со II Ватиканского собора, ведущие мировые религии

стремятся найти общий современный язык. Беседы Томаса Мертона с Д.Т.Судзуки и Далай Ламой XIV, протоколы конференции Общества христианской медитации, на которой Далай Лама XIV комментировал Евангелие, – замечательные примеры этой работы. К сожалению, сциентизм ее не замечает, а прошлое мировых религий рисует резко тенденциозно: «Фанатизм и неограниченная жестокость к иноверцам в раннем Средневековье отражает регресс нравственных ценностей в учениях Христа и Магомета по сравнению с великими моралистами Ближнего Востока, Греции, Индии и Китая в апогее осевого времени» (Назаретян, с.101).

На самом деле, философская этика осевого времени (как его понимает Ясперс, т.е. VIII–II вв. до Р.Х.) не сумела захватить древние империи. Христианству предшествовал упадок философии, запутавшейся в бесконечных спорах, что считать истиной. И христианство противопоставило «мудрости века сего» любовь к ближнему, основанную на общей любви «сынов Божьих» к «Отцу». Именно этим ранние христиане привлекли к себе сердца окружающих. А фанатизм пришел тогда, когда личность Христа достаточно потускнела в сознании христиан и дух Христа уступил место букве. Это продолжалось потом много веков спустя после раннего средневековья. Перечислю основные факты: истребление иконоборцев в Византии (VIII в.), истребление альбигойцев в Высокое средневековье, гугенотов – в эпоху Возрождения, религиозные войны XVII в... А как только установилась религиозная терпимость, началась нетерпимость якобинцев, коммунистов, нацистов.

Интересно противопоставить Средиземноморье Индийско-тихоокеанскому региону. Там тоже произошел переход от философов-моралистов древности к массовым религиям средних веков; но массовые религии Индии и Китая совершенно чужды нетерпимости. Поэтому дело, очевидно, не в сущностной склонности религии к нетерпимости и фанатизму, а в особенности средиземноморской культуры VIII–II вв. до Р.Х., наложившей свой отпечаток и на дальнейшее развитие, религиозное и антирелигиозное. Надо ли повторять, что фанатизм революций XVIII–XX вв. намного превзошел фанатизм инквизиции?

Мы упираемся тут в теорию цивилизаций, которой очень не хватает таксономии. Можно отвлечься от того, что слово цивилизация означает и степень развития (начиная с письменности), и целостность какой-то одной долговечной культуры (обладавшей письменностью и другими приметами цивилизации). Но эта культура-цивилизация может быть и единичной, замкнутой, как Древний Египет, и коалицией культур, и сами эти коалиции должны как-то отличаться от рыхлого конгломерата, созданного завоевателем; при этом степень единства культуры в империи устанавливается на глазок. Наконец, теория цивилизаций Тойнби – наследник теории культурных кругов Шпенглера, и в некоторых случаях различие только в слове (Запад для Шпенглера – культурный круг, для Тойнби – цивилизация; это сводится к различиям немецкого словоупотребления от английского и французского). Однако Шпенглер различал культуру, нечто уникальное и неповторимое, подобие «почвы» у русских почвенников, от цивилизации как способа изготовления мечей, строительства железных дорог и устройства чистых сортиров. Культурный круг он не определял, а описывал, как Макс Вебер свой «идеальный тип» культуры (я думаю, что Вебер сильно повлиял на Шпенглера). Шпенглеру казалось очевидным, что цивилизация и культура – разные вещи. С этим не были согласны французы и англичане; для них импрессионисты и железные дороги – элементы одного целого. Но Тойнби не обладал даром художественного описания целого и попытался дать научное определение, что такое цивилизация: «наименьший круг стран, с которыми имеет дело историк, занимаясь проблемами своей страны». Для европейской страны это тавтология: цивилизация, в которую входит европейская страна, – это Европа. Для России – очевидная нелепость: историк России то и дело вынужден делать экскурсии в Византию, в Орду, в варяжский и ганзейский Запад. А между тем, на глазок видно, что это разные коалиции культур, или культурные круги, или цивилизации – как их ни назови.

Не случайно Тойнби колебался, не мог решить, сколько на Земле прошло и остается цивилизаций, не случайно он Россию пожаловал титулом «цивилизация», а под впечатлением октябрьской революции разжаловал. Строгого определения, подходящего ко всем спорным случаям, не существует и вряд ли оно возможно, но на

известном уровне развития возникают устойчивые коалиции культур, способные выдерживать кризисы без распада, выносить века порабощения, сохраняя свою идентичность и подчинять себе своих завоевателей. Такие цивилизации можно рассматривать как проекты* глобальной, мировой цивилизации. Я предлагаю назвать их субглобальными цивилизациями.

Время становления субглобальных цивилизаций* Ясперс назвал «осевым» (VIII–II вв. до Р.Х.). За исключением Византии, субглобальные цивилизации существуют и поныне, так что это проблема одновременно историческая и современная.

Франкфурт*, в книге «До философии» (в русском переводе «На заре философии»)², выделяет из массы явлений VIII–II вв. до Р.Х. одно: рождение философии, начало мирозерцаний, свободных от традиции. Мне кажется, было бы целесообразно говорить о рождении аксиоматического мышления, проявившего себя сразу в нескольких областях: в геометрии, в философии, в праве (государственном, уголовном, частном). Переворотом была способность логически выстраивать систему, исходя из принципов или аксиом.

Аксиоматическое мышление сделало возможным устойчивые империи, связанные стройной системой администрации и права. Но устойчивость римской и китайской империй оказалась относительной. Ей не хватало нравственной цельности, духовной цельности, единого чувства священного. Расцвет философии завершился кризисом философии. Учеником Сенеки был Нерон. И когда Нерон поджигал Рим, там уже проповедовали Петр и Павел. В конце концов, гордым римлянам, два века рассказывавшим небывлицы о нелепой секте, поклонявшейся голове осла, пришлось покориться религии, созданной* евреями. И христианство, возникшее в далекой презираемой провинции, стало основой нового витка в развитии Запада.

Другая субглобальная цивилизация, китайская, также строилась в спорах философско-политических и философско-этических школ. Последовательно проведенный принцип государственной пользы создал великую империю Цинь, окружил ее великой стеной, но успех его оказался призрачным: в обществе доносов и казней невозможно

---

² Франкфурт* На заре философии

было жить, и династия, начатая Цинь Шихуанди*, обовалась при его сыне, Эр Шихуанди*. После периода смуты утвердилась другая династия, Хань. Китайцы так уважают ее, что называют себя ханьцами. Эта династия реабилитировала конфуцианцев, учивших строить государства на верности традициям семьи и почитания предков. Конфуцианцы провели законы, по которым сторонникам школы государственных законов фацзя был закрыт доступ к государственным должностям, и еще один закон, имевший религиозную основу: сын, донесший на отца, подлежал смертной казни (это примерно соответствовало казни за кощунство).

Однако торжеством конфуцианства процесс не завершился. С I в. в Китае стал распространяться буддизм, для которого личность выше семьи и государства. Буддизм, сплетаясь с мистицизмом Лаоцзы и Чжуанцзы, дополнил конфуцианскую государственную и семейную мудрость. постепенно установился корпус священных текстов: Конфуция, Лаоцзы, Гшуанцзы* и Будды.

Это один из типов развития: там, где преобладало светское сознание, аксиоматическое мышление создавало империи, а затем приходилось импортировать обновленную религию, взамен старых богов или в поддержку старого культа предков.

Попытки создать мировую державу до аксиоматического мышления и до мировой религии повторялись век за веком, но без успеха: им не хватало общего чувства священного и стройной системы законов. По отношению к конгломератам, созданным Рамзесами или Ассурбанипалами, прав Лев Николаевич Гумелев: грубо сколоченные «суперэтнические» державы разваливались так же быстро, как создавались. Но единство аксиоматики законов и мистики мировой религии оказалось прочным, и «народы книги», – как их называли мусульмане, – живут и поныне.

Ясперс не заметил, что в его «осевое время» (VIII-II вв. до Р.Х.) вошли разные процессы: становление аксиоматической мысли у эллинов и римлян и становление этического монотеизма (в совершенно другом «культурном кругу», как сказал бы Шпенглер). От Иеремии и Исаяи шла линия не к кодексу Юстиниана, а к Христу, к посланиям Павла и к догматическому творчеству вселенской церкви. Если считать нормой развитие Рима и Китая, то за осевым временем следует постосевое (примерно до Халкидонского собора и

до периода Тан в Китае); и только в совокупности они создали устойчивость субглобальных цивилизаций. Однако порядок развития поздней субглобальной цивилизации, ислама, был обратным: и импортировать пришлось не религию, а философию. Сперва – пророческое озарение Мохаммеда, потом – мусульманское право и после всего – комментаторы Аристотеля.

Еще более своеобразным оказалось развитие Индии. Здесь религия играет преобладающую роль с самых древних времен и общественное разделение труда поддерживается не светским правовым порядком, а религиозным принципом свадхармы (лучше своя плохая дхарма, чем чужая хорошая, и само сердце велит сыну горшечника стать горшечником; так, по крайней мере, считал Ганди). Это не помешало блестящему развитию аксиоматического мышления (намного более сильного, чем в Китае, где логика сталкивалась с ассоциативными связями). Аксиоматическое мышление развивалось в математике и в лоне самой религии. Буддизм – религия откровения – излагается строго аксиоматически и с такой интеллектуальной ясностью, с таким пониманием границ слова, как будто Будда сумел прочесть «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна* или Ситгенштейн*, прежде чем писать свой трактат, изучил Бенаресскую проповедь.

Ранний буддизм следует принципам Витгенштейна: «мистики правы, но их правота не может быть высказана: она противоречит грамматике» и «все, что вообще может быть высказано, должно быть сказано ясно; об остальном следует молчать». У Будды нет ни традиционной, ни новой мифологии, нет парадоксов, заставляющих угадывать невыразимую тайну – только ясное указание на метод, ведущий к просветлению, и «благородное молчание». Прошло примерно пятьсот лет между этим логико-философским откровением и мифологемами «Вималакирти-сутры»*, а затем еще полтысячелетия до парадоксов дзэн.

Сходным образом шло развитие ортодоксальных школ индуизма, опиравшихся на Веда, но очень своеобразно, вплоть до определения: «Бог – это тот, к кому в Ведах обращаются в звательном подеже», вплоть до атомистической модели вселенной. Это господство интеллектуальных экспериментов уступило место мистическому чувству целого в философии веданты, обрядности

тантризма и поэзии бхакти. Новые направления буддизма и новые направления индуизма развивались в постоянной конкуренции, приспособляясь к различным слоям людей, постепенно дополняя аксиоматику древности яркими метафорами в слове и доходчивыми образами в камне.

В каждой субглобальной цивилизации находились свои пути, но все культуры, прошедшие через открытие аксиоматического мышления, не остановились на нем и создали новые традиции богословия.

Синтез двух мышлений я назвал когда-то иконологическим или ипостасным (чтобы не смешивать его с архаической мифологией: можно назвать его также постаксиоматическим метафоризмом). Система мысленных и зримых икон, сложившаяся, по европейскому счету, в раннее средневековье, была очень крепкой. Она опровергает взгляд В.Н.Гумилева на рыхлость суперэтнических конгломератов. Все варвары, вторгавшиеся в Китай, становились китайцами, в Индии – включались, как новые касты, в индийскую систему каст. Варвары, завоевавшие Западную Римскую империю, покорились христианству, стали носителями его культуры и после перестановки акцентов в эпоху Возрождения восстановили и некоторые дохристианские традиции, потерянные в «темные века».

На иконологическом синтезе развитие трех субглобальных цивилизаций Востока остановилось. Внутренние сдвиги на Дальнем Востоке и в Индии не взламывали общего порядка. Продолжалось только территориальное расширение ислама. Отступив с Пиренеев, он покорила Балканы, Индию и утвердился на Яве и в Малайе. Когда турки осадили Вену, казалось, что ислам может стать глобальной религией старого света.

Однако уже был открыт Новый Свет. Запад вышел в океаны и создал новый тип глобализации, с упором на колониально-торговые связи и открытым входом в европейскую коалицию.

Успех Европы был связан с неудачей всех попыток восстановить здесь империю. Возрождению империи противодействовало папство, после его ослабления – Англия. Действовали и другие, менее заметные факторы. Складывались различные языковые пространства – начатки новоевропейских языков. Из средневековой анархии выросли вольные города, а затем –

система наций, перекликавшихся друг с другом в борьбе за гегемонию, без единой духовной столицы. Выражение «концерт великих держав» – метафора, которую можно перенести из международной политики на перекличку стилей литературы и музыки, живописи и архитектуры. Возникло нечто вроде оркестра или хора, в котором лидирует то один, то другой голос. Ренессанс начался в городах Северной Италии, барокко достигло своих вершин в живописи Испании и немецкой музыке, рациональная переработка барочных мотивов в классицизме, а затем Просвещение шли из Франции, романтизм формировался в Германии, а классический реализм – во Франции, Англии и в России.

Политически неустойчивая система наций имела свои слабости, которые успешно использовали турки. Но примерно с XVII в. выгоды полицентризма явно перевесили его недостатки. Развитие науки и техники, центр которого перемещался из страны в страну, ускользая от торможения, дал Западу сказочные преимущества, и отдельная европейская страна сделалась сильнее азиатской империи. Англичане успешно вели опиумные войны. Индия вся попала под их власть. Этот ход истории понял Петр I, а за ним потянулись японцы, с опозданием – другие. Те, кто не входил в европейскую коалицию, попадал в число колоний и полуколоний. Войдя в европейскую коалицию, можно было занять в ней достойное место и сохранить свой особый лик. Таким образом, наметилась перспектива европеизации мира, создания мирового хора национальных голосов. Однако на этом пути встретились препятствия и внешние, и внутренние.

Дух вольных городов, повернувший Европу к новому времени, разрушал не только феодальную, но и духовную иерархию. Высвобождение личности, которое вдохновило Колумба, толкнуло и Лютера выступить против папы. Христианство раскололось. Религиозные войны вызвали отвращение к фанатической нетерпимости, и за победой терпимости надвигалось равнодушие к религии. Просвещение захватило авансцену и оттеснило христианство на второй план. Это состояние оказалось устойчивой амальгамой у прагматичных англо-саксов и позволило сохранять нравственный порядок в Европе, не связывая себя ничем «по ту сторону суэцкого канала». Постепенно глобализация Запада

перестала быть глобализацией христианства. Деятельность миссионеров, крестивших жителей экваториальной Африки и Океании, была менее значима, чем отказ голландцев от пропаганды своей веры ради монополии на торговлю с Японией. Великие субглобальные цивилизации Азии втягивались в пространство торговли с Европой, в пространство европейского Просвещения, но не европейской религии.

Европа двигалась к постхристианству. Росло богатство в физических единицах и в единицах полезной информации. На первый план вышло знание-сила, знание, дающее прямую выгоду. Знание, углубляющее и расширяющее душу, отступило на второй план. К этому знанию наука не вела. В конце нового времени Карнап* написал, что суждение «сикстинская мадонна прекрасна» – логическое междометие, нечто вроде «Ах!». Тогда же было сказано, что совесть – это химера.

Не во всех странах этот процесс шел плавно, постепенно. Во Франции Просвещение неожиданно обернулось фанатизмом, не менее яростным, чем в Варфоломеевскую ночь. Французский пример подтвердила и Россия, и Германия. Религиозный, а затем идеологический фанатизм оказался чертой всей группы средиземноморских цивилизаций (христианства и ислама). В Индию его вывез ислам, на Дальний Восток – марксизм. До этого в истории цивилизаций индийско-тихоокеанского региона никогда не было ненависти религий друг к другу и массовых убийств иноверцев и еретиков. Фанатизм приобретал здесь характер самопожертвования (самосожжение индуистских вдов, самосожжение буддийских монахов, доказывавших своим подвигом крепость веры в посмертное воздаяние).

Буддийские монахи, распространяли свое учение в Японии, попутно учили японцев конфуцианской этике и государственной мудрости. Буддизм дзэн органически включил в свой внутренний строй элементы даосизма. В Индии спор индуизма с буддизмом был диалогом, в ходе которого обе стороны учились друг у друга, и до сих пор неясно, на какой почве возник тантризм, кто здесь учитель и кто ученик.

Эти особенности индийско-тихоокеанского региона уходят в глубины духовной культуры. В средиземноморье сильнее роль

высказанной, изображенной, изваянной символики священного Целого. Поэтому вопрос об истине ставится категорически: истина или ложь? S есть P или S не есть P , третьего не дано. Это плодотворный метод в развитии науки, но в религии он легко ведет к нетерпимости. В индийско-тихоокеанских культурах господствует подход к высшей истине как неизреченной, безымянной. Наименованное* Дао объемлет Дао, имеющее имя. В Брихадарасияне-упанишаде* мудрец Яджньвьякая* повторяет, как бы ни определять святыню: не это! не это!

В индийско-тихоокеанских культурах просто нет места для вопроса, который в Средиземноморье казался самым важным: монотеизм или политеизм? Единое туманно. Спор может быть только о том, какое слово ближе к безымянной истине и какое дальше. Каждый выбирает то, что ему по сердцу. Запад долго мучился, пока дошел до терпимости, и на полдороге потерял веру. В Индии и Китае вера и терпимость – близнецы.

Однако фанатизм – болезнь не только мышления. Это также массовая истерия, вызванная кризисом культуры. И здесь снова лидирует Запад, по крайней мере – лидировал до тех пор, пока он не научился вывозить подальше отходы своего физического и духовного производства. За фасадом социально-экономического прогресса веками шло нарастание чувства отчуждения, заброшенности, затерянности личности во все более сложном, все более запутанном мире. В самых богатых странах больше всего самоубийств. Наркомания и СПИД стали судьбой миллионов. Снова, как в последние века античности, культ удовольствия ведет к опустошенности и духовному упадку. Писатель и эссеист Александр Мелихов назвал современную культуру мастурбационной. Общество держатся за счет граждан, нечувствительных к кризису культуры и вполне довольных круговоротом службы, покупки новых вещей и выбрасывания их, когда новизна тускнеет.

Кризис стал самой формой западной культуры. Древние цивилизации, достигнув устойчивости, очень редко ее теряли. Например, Египет знал два кризиса: между Древним и Средним царством и между Средним и Новым. Потом кризисы стали чаще. И наконец, Маркс написал, что современное ему общество выходит из кризиса только средствами, создающими новый кризис. История

доказала, что средства могут быть найдены вне заколдованного круга экономики. НТР вывело Запад из тупика (этого Маркс не предвидел), но она ускорила движение к экологическому кризису, обострила духовный кризис. Кризисы стали ветвиться, превратились в систему кризисов, в каждом своем звене грозящую крахом. Электронно-финансовая глобализация вывела мультинациональные корпорации из-под контроля национальных правительств и из сферы национального налогообложения. Это разрушает сотрудничество труда и капитала в рамках социального рыночного хозяйства. Сказочно растет богатство корпораций, а на другом полюсе – рост безработицы, даже бездомность. А система страховки экономических гигантов от внезапных спадов переносит эти спады в незастрахованные страны. Экономические катастрофы на периферии мира благоденствия усиливают напор иммигрантов, рвущихся к застрахованной сытости. Увеличивается разрыв между иммиграцией и ассимиляцией, растет этническая напряженность. Темпы иммиграции могут увеличиваться неограниченно. Голодающие форсируют гибралтарский пролив на утлых суденышках, тонут, но это никого не останавливает. Между тем, ассимиляция – проблема культуры, а не техники, развитие здесь идет медленно и ускорить его почти невозможно.

Цивилизация, став научной, развивается как сама наука: каждое решение проблемы создает новые проблемы и общее число нерешенных проблем растет, как снежный ком. Сама скорость развития, которой Запад гордится, становится проблемой, цивилизация как целое перестает господствовать над отдельными направлениями перемен, не успевает найти для нового экологическую нишу в традиции, и ящик Пандоры постоянно открыт. Ни в чем не подозреваемый холодильник проделывает озоновую дыру. Рушится связь между поколениями. Отцы перестают быть примером для своих детей. Каждые десять, каждые пять лет мир становится другим вместе с переменами в технике.

Даже простая скорость передвижения становится угрозой культуре. Человек привыкает стремительно двигаться к той или иной внешней цели и отвыкает медленно кружиться вокруг нерешенных внутренних проблем. Новые средства электронной информации вытягивают на поверхность, где калейдоскопические перемены,

называемые инфомрацией, дезинформируют человека на пути к собственной глубине. Звездой голубого экрана становится Герострат. Всемирная слава – один из мотивов террора. И как символ нарастающего кризиса, развивается глобальный террор.

По словам Антония Сурожского, грех – это потеря контакта с собственной глубиной. И там, где человеческая душа полностью вытащена на поверхность, не может не нарастать, не ветвиться, не становится тотальным царство греха.

Чтобы не запутаться в словах, проведем резкую черту между индивидуальным и массовым террором. Массовый террор проводится государственными структурами. Счет идет на десятки и сотни тысяч, миллионы жертв. Необходимой фигурой становится палач. Индивидуальный террор требует героев, готовых умереть самим на месте подвига (или преступления, по другой оценке). Это чисто западная традиция, связанная с античным культом свободы. Индивидуальный террор – акт борьбы за свободу. Массовый террор подавляет свободу (даже если проводится с целью ее защиты, как в эпоху французской и русской революций). В дальнейшем я попытаюсь использовать слово «террор», обозначая именно индивидуальный или партизанский террор, а массовый государственный террор по возможности называть демоцидом (избиением людей по этническому, социальному, политическому или религиозному принципу). Отступления от этого правила возможны в контексте, где недоразумение мало вероятно.

Граница между Гармодием*, Брутом, Вильгельмом Теллем и палачами иконоборцев, альбигойцев, протестантов очевидна. В XX в. эта граница нарушается: Яков Блюмкин, герой индивидуального террора, воспетый Н.*Гумилевым, становится одним из организаторов красного террора. А в середине века граница совершенно размыта. Для маргиналов сама глобальная цивилизация оказывается безликим тираном, Другим, существование которого – недопустимый скандал (Сартр). Тактикой возмущенных оказывается партизанский демоцид, уничтожение первых попавшихся обывателей, не чувствующих ужаса от наступающей пошлости.

Предшественник глобального террора – подпольный человек Достоевского, ретроградный джентльмен, одержимый порывом дать пинка хрустальному зданию. Маяковский писал: «пусть земле под

ножами попомнится, кого хотела опошлить». Сходные мотивы можно найти у Блока и даже в переписке Ходасевича с Садовским. На практике – это глобальный террор геростратов, реализующих метафоры возмущения. Подобно детонатору, он взрывает бомбу демоцида в национально-освободительном движении.

Мой покойный друг, А.Штротас*, писал мне, что в одном из западных университетов студенты обсуждали вопрос о допустимости убийства детей в национально-освободительной борьбе. Штротас* с горечью прибавлял, что если эта проблема обсуждается философами, то за практиками дело не станет. Письма я пока не разыскал, даты не помню, но оно осталось у меня в памяти.

Идея партизанского демоцида носилась в воздухе. Ее подсказали сталинские кадры, проводившие раскулачивание. Ее подсказали эсесовцы, проводившие геноцид. Дурные примеры заразительны. Если государство имеет право казни, то почему не взять это право революционерам? А если государство показывает пример демоцида, то что может удержать от демоцида революционное правосознание?

Наряду с этими, основными корнями глобального террора, есть и дополнительные корешки, в том числе – африканский. В ходе восстания мау-мау* всплыли архаические обряды, которые, к счастью, удалось остановить. По правилам культа, в жертву приносился безупречно честный, достойный человек. Его выбрали из числа фермеров «белого нагорья», и обряд был совершен. Первое время дочь убитого была охвачена ненавистью и жадой мести. Идеи примирения рас не выдержали натиска чувства. Но потом случился один из редких в XX в. случаев победы Бога над дьяволом.

Госпожа Гофмайер постаралась понять убийц. Она вспомнила все то зло, которое принесли местным племенам колонизаторы. Она пришла к знакомым африканцам со словами примирения и прощения. И ей удалось переломить настроение полухристианизированных интеллектуалов, руководивших мау-мау. Движение кончилось взаимными уступками. Колониальные власти ушли, европейские фермеры «белого нагорья» остались.

Несколько лет спустя, в Швейцарии, во время одной из конференций собеседник г-жи Гофмайер признался ей, что он был членом совета мау-мау, избравшим ее отца в качестве жертвы. Но к

этому мигу обе стороны простили друг другу и в Кении царил мир. Победа досталась Богу. К сожалению, таких примеров не очень много.

Почему же не в Африке, а в исламе, где век за веком прославляют имя Бога милостивого и милосердного, глобальный террор пустил особенно глубокие корни? Почему именно мусульманский экстремизм стал мировой силой? Прежде всего – потому что ислам всегда, с самого начала был и остается мировой силой. Это качество ему не приходилось приобретать. Победа экстремизма в исламе сразу становится мировым событием и ставит под вопрос гегемонию Запада.

Что привело к этой победе? Одна из причин – патология лагерей беженцев, образа жизни, рассчитанного на год-два-три и растянувшегося на полвека. Лагерь беженцев, протянутый в бесконечность, становится абсурдом, и в этом абсурде происходит перерождение одной из мирных инициатив ООН в инкубатор живых бомб.

Вторая причина (связанная с первой) – столкновение европоцентрической концепции Израиля с мусульманским чувством истории. Для мусульман – это еще одно вторжение крестоносцев (на этот раз – не с крестом, а со звездой Давида); по воле Аллаха, через несколько десятков лет новый Саладин вырвет эту занозу. А потому лагеря беженцев должны оставаться вплоть до окончательного решения.

Третья причина более общая. Ислам не может принять победу секуляризма и отход религии на задний план, на роль частного дела верующих. Ислам, по идее своих ревнивых исповедников, или является всем, или становится ничем. Для израильтян Иерусалим – не предмет переговоров. Для современных мусульман, созерцающих кризис Запада, так же бесспорно моральное превосходство ислама и близость мирового халифата.

Четвертая причина – фактическая слабость ислама и в экономическом соревновании, и в крупномасштабной войне. Террор – оружие слабых, компенсирующих свою слабость мужеством отчаяния. Китай не шумит, накапливает силы и через несколько десятков лет может оттеснить Америку с ее позиции единственной сверхдержавы. С этого момента без Китая нельзя будет решить ни

одного серьезного мирового вопроса. И только при участии Китая может быть создано мировое правительство, достаточно сильное, чтобы остановить разрушение биосферы, всевластие мультинациональных корпораций, эпидемию СПИД-а и другие бедствия. Как Китай будет использовать ислам и разбираться с претензиями ислама – это его дело. Сумеет ли он справиться с глобальным терроризмом? Не знаю.

Роль постхристианского мира сводится к тому, чтобы мировое единство сохранило федеративный или конфедеративный характер в духе норм, достигнутых Европой, и какой-то минимум прав личности, возможный даже в условиях цепи катастроф. Эта задача не невыполнима, если в борьбе за изменение мирового духовного климата достигнута будет солидарность с индией и некоторыми странами дальнего востока. И если постхристианский мир в ходе диалога с индо-буддийским миром станет неохристианским, с переносом центра культуры на религиозную музыкальность. Примером такого решения была сессия семинара имени Джона Мейна* в 1994 г., когда каждое заседание начиналось и кончалось получасом молчания и в молчании участники (буддисты и христиане) чувствовали единство, превосходившее слова.

Я впервые столкнулся с этим движением в 1996 г., в Швейцарии, когда Далай Лама приехал на юбилейную конференцию Общества морального перевооружения. Его спросили, в чем сущность ламаизма, и он ответил: «главное – любовь в сердце, а метафизические теории, буддийские и христианские – дело второстепенное». Прочитав книгу «Доброе сердце» (Протоколы заседания семинара христианской медитации в Лондоне в 1994 г., которым руководил Далай Лама), я понял, что «нелепо приставлять голову яка к туловищу барана»; что каждая религия связана с целостностью культуры, и нельзя упразднить эти различия, не превратив мир в казарму; но можно перенести ударение с буквы на дух. А дух всех религий един, и духовное искусство Японии так же доступно европейцу, как Бах, Бетховен, Моцарт доступны японцу.

Две тысячи лет не прошли даром. Святой Дух для нас стал видимым и слышимым в иконах Рублева и в живописи Ма Юаня с Сэсю*, в музыке Баха и в садах-коинах* японских монастырей. Общий поворот культуры в глубину непременно раскроет и

нравственные глубины и даст глобальной цивилизации преодолеть бури, кипящие на ее поверхности.

Я согласен с вл. Анотонием Сурожским, что грех – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Я согласен с Паулем Тиллихом*, что религиозное – это предельно глубокое во всех областях культур. Поэтому движение в глубину может и должно захватить всех, кто религиозно музыкален или, по крайней мере, понимает ценность религиозной музыкальности и стремится развить ее в себе. В этом духе должно быть направлено обучение детей, начиная с малюток и до университетов. В этом духе могут быть решены все тупиковые приblemsы, даже распутан ближневосточный узел (ликвидация лагерей беженцев с предоставлением каждому выбора гражданства в любой арабской стране и превращение Иерусалима в политически ничейный город, город мира трех авраамистических* религий, с возвращением столицы Израиля в Тель-Авив).

Не пытаясь предсказывать будущее, можно указать на некоторые параметры, в которых вероятно развитие мирового процесса.

1.Нынешняя электронно-финансовая цивилизация неустойчива без мирового правительства (или его эквивалента), мировое правительство невозможно без мирового согласия, а мировое согласие невозможно без единого чувства священного, созданного культурой.

2.Ни одна из субглобальных цивилизаций не может (по крайней мере надолго) навязать себя другим. Каждая из них имеет свою святую книгу (свой набор священных текстов), свой язык святого писания и свой шрифт, принятый и языками отдельных наций. На Западе это латинский перевод Библии, латинский язык и латиница, эстетика которой связана с эстетикой архитектуры. В мире ислама – Коран, арабский язык богословия, арабская вязь (кое-где уступившая место латинизации). В индийском пространстве – веды, упанишады и примыкающие к ним тексты, санскрит, шрифт деванагари; в буддийских странах этого региона – сутты*, пали, соответствующий шрифт. На Дальнем Востоке – набор священных текстов китайской культуры (в том числе сутр северного буддизма) и иероглифы. Область понимания иероглифов – внешняя граница Дальнего Востока

(так же как арабская вязь – граница мира ислама). Тибет – особая минисубглобальная культура с аналогичным набором примет. Единая мировая культура, основанная на электронных средствах информации, не сможет совершенно вытеснить книгу и книжность. То, что разрушает телевидение, восстанавливает интернет.

3. Поэтому немислима единая мировая религия, но мыслим и необходим диалог, основанный на развитии религиозной музыкальности поверх текстов, духа поверх буквы. В этом плане можно представить себе и будущее культур, сложившихся на стыке между субглобальными цивилизациями, в том числе России. Выстроить особую евразийскую субглобальную цивилизацию нет ни времени, ни возможностей. Поезд уже ушел. Но можно занять достойное место участника субглобального и глобального диалога, наподобие Японии, одновременно дальневосточной и мировой нации. Так и Россия может занять место европейской (примыкающей к Европе) и мировой нации.